

На переломе — эпизод 8 из 27

Рассказывали также, что в старших классах, говоря о различных дарах, ниспосылаемых небом человеку, он прибавлял: Внимайте, юноши, с усердием слову божью, и вы будете так же щедро взысканы, как и я. И будто бы при этих словах Пещерский вытаскивал из кармана медный пятак и тут же, на глазах изумленной аудитории, свертывал его в трубочку.

Но чем уж действительно его господь не взыскал, так это красноречием.

Объяснял он свой предмет медленно, тягуче, скучно, с бесконечным гм... и зге..., с повторениями одного и того же слова. Под его монотонное пиликанье невольно слипались глаза и голова сама собой опускалась на грудь, особенно если урок происходил после завтрака. Воспитанники его не любили, несмотря даже на его легендарную силу, которая в гимназии ценилась выше всех даров, ниспосылаемых небом человеку. В нем чувствовался лицемер. Он ставил хорошие отметки, но часто жаловался на воспитанников инспектору. Кроме того, он за всякую малость записывал провинившихся в классный журнал, что исполнял каллиграфическим почерком, очень многословно и витиевато.

Однажды он записал Буланина за кощунство, свиноподобие и строптивость.

Свиноподобие заключалось в невычищенных сапогах, строптивость в незнании урока, а кощунство в том, что кто-то из отделения назвал Пещерского Козлом, кто именно, осталось неизвестным.

На этот раз урок казался Буланину особенно длинным. Только что приобретенный фонарь не давал ему покоя.

А что будет, если мама не даст двух рублей? Тогда уже наверное одними маслянками не отделаешься, размышлял Буланин. Да, наконец, как я решусь сказать ей о своей покупке? Конечно, она огорчится. Она и без того часто говорит, что средства у нас уменьшаются, что имение ничего не приносит, что одной пенсии не хватает на такую большую семью, что надо беречь каждую копейку и так далее. Нет, уж лучше послушаться совета Сельского и отвязаться от этого проклятого фонаря.

Но вдруг, точно искра, блеснуло в голове Буланина тревожное опасение, и даже сердце у него заекало от испуга... А что, если его испортили, передавая из рук в руки? Вдруг растащили картинки или погнули что-нибудь? Тогда Грузов обратно ни за что уже не примет...

Он поспешно, дрожащими руками, поднял крышку своего столика и, поддерживая ее головой, стал осматривать фонарь.

Нет, все в порядке... Трубка немного расходится по спаяю, но это так и было... все слышали, на все отделение можно сослаться... И картинки все в целости

двенадцать штук... Вот еще лампочку надо осмотреть.

Что это вы там у себя в столике делаете? вдруг услышал Буланин тоненький голос Пещерского.

Он вздрогнул и быстро опустил крышку. Козел медленно подходил к нему с самым ласковым выражением лица, то собирая в кулак свою густую бороду, то распуская ее веером.

Я... я... ничего... Я ничего не делаю... право, ничего, залепетал Буланин.

Что у вас там?.. Покажите, сказал Козел, делая внезапно строгие и мутные глаза и кивком головы указывая на парту.

Право же, ничего, батюшка! Ей-богу, ничего... Я просто... я книжку искал. Бормоча эти несвязные слова, Буланин крепко держался за края крышки, но Козел с настойчивым, хотя и мягким усилием потянул ее вверх и вытащил волшебный фонарь.

Так это вы говорите ничего? А еще божитесь! Божиться вообще нехорошо, а для прикрытия лжи и подавно... Я вам здесь слово божие объясняю, а вы в игрушечки играетесь. Нехорошо. Очень нехорошо... Очень, очень нехорошо. Батюшка, позвольте... отдайте... Батюшка, я никогда не буду больше...

Отдайте, пожалуйста, взмолился Буланин.

Сын мой, произнес Козел, делая вдруг свой голос необыкновенно нежным, и его влажные глаза опять стали кроткими, сын мой, я с удовольствием отдал бы вам вашу... вашу штучку... она мне ни на что не нужна, но... на этом но Козел повысил голос и прижал ладони к груди, но, подумайте сами, имею ли я право это сделать? Могу ли я скрывать ваши дурные поступки от лиц, коим непосредственно вверено ваше воспитание? Нет! Он широким жестом развел руки и с негодованием затряс бородой. Я не могу принять этого на свою совесть, положительно не могу... нет, нет, и не просите... не могу-с...

В зале резко и весело прозвучала труба, играющая отбой¹. Воспитанники высыпали из всех четырех отделений шумной, беспорядочной гурьбой. В течение десяти минут перемены, полагавшейся между двумя уроками, надо было успеть и напиться, и покурить, и сыграть целую партию в пуговки, и подзубрить урок. Густая толпа обступила большую медную, с тремя кранами, вазу, наполненную водой.